

УДК 130.2/.3:821.112.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения.
Метафизика духовной жизни. Художественная литература на немецком языке)

ЭКСПРЕССИОНИСТСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ГЕРНОТА ВОЛЬФГРУБЕРА «НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ»

© 2019 Э.А. Радаева

Радаева Элла Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: radella@rambler.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 04.05.2019

Статья содержит исследование экспрессионистских мотивов в популярном в 70 – 80-е годы в СССР «рабочем романе» австрийского писателя второй половины XX века Г. Вольфгрубера «Ничейная земля». Кроме того, автор вступает в полемику с советской критикой касательно отдельных положений проблематики произведения на уровне сюжета и композиции. В работе совмещаются элементы мотивного и образного анализа. Образ главного героя рассмотрен сквозь призму гештальтпсихологии, послужившей основой эстетики экспрессионизма.

Ключевые слова: экспрессионизм, Гернот Вольфгрубера, роман «Ничейная земля», рабочий роман, гештальтпсихология.

Введение. Экспрессионизм не только как мироощущение, но и как творческий метод проникает в сознание художников слова на протяжении всей второй половины XX века вопреки расхожему мнению о том, что данное художественное направление исчерпало себя даже в австрийской литературе уже в 20-е годы прошлого столетия. Более того, в данной работе мы проследим, как успешно эстетика экспрессионизма взаимодействует с жанром «рабочего» романа или так называемой «литературой рабочей темы» (по определению Н.П. Михальской). Бесспорно, о «рабочем» романе, закрепившимся в истории английской литературы, применительно к творчеству австрийского писателя Гернота Вольфгрубера (род. 1944) мы можем говорить лишь условно.

Анализ. Однако если обратиться к его роману «Ничейная земля» («Niemandland», 1978), обнаружим все элементы поэтики вышеуказанного жанра: «Рабочий» роман 50 – 70-х годов в Англии отличается новыми чертами по сравнению с пролетарским романом 20 – 30-х годов. Рабочий в пролетарском романе часто выглядел частицей темной массы; теперь герой-рабочий – неповторимая индивидуальность. Раньше натуралистическое описание производства занимало немалое место; теперь на первый план выдвигаются нравственно-психологические проблемы. Раньше «рабочий» роман был больше документальным повествованием и журналистским репортажем; теперь

он стал подлинно художественным произведением; социологичность в нем связана с психологизмом. (...) Характерные черты «рабочего» романа – это сюжет, связанный с судьбой центрального героя, молодого рабочего, это психология рабочего, недовольного своим положением и размышляющего над тем, как изменить это положение; это связь рабочего вопроса с вопросами, волнующими все человечество [4]. Более того, экспрессионистская философия в данном произведении также, как и в исследованном нами ранее романе современника и соплеменника Г. Вольфгрубера М. Шаранга «Сын батрака», выступает во взаимоотношении с такой сферой научной деятельности, как гештальтпсихология (этот аспект потребует отдельного рассмотрения).

Важно отметить, что роман «Ничейная земля» был обласкан советской критикой (в СССР переведенное Ю. Гинзбургом и Г. Косариком издание увидело свет в 1987 году). В этой связи стоит обратить особое внимание на предисловие Ю. Гинзбурга к изданию 1987 г. Оно примечательно как эмоциональностью и тенденциозностью, так и ошибочностью изложения сюжета и проблематики произведения – в угоду поставленной критикой задаче: развенчание идеологии буржуазного строя; наивностью взгляда на конфликт романа марксистски ориентированного критика. Согласно точке зрения Ю. Гинзбурга, М. Шаранг, П. Розай, Х. Ценкер, П. Туррини «ста-

вили конкретные проблемы и показывали конкретный ужас жизни – нищету, безработицу, произвол богатых и несправедливость бедных» [3, с. 5].

Обратимся же непосредственно к роману. Сюжет примерно 350 страниц можно изложить кратко: молодой подсобный рабочий Георг Кляйн, человек думающий, с детства был наделен незаурядным, но не получившим достойной реализации в провинциальном рабочем городке интеллектом, стал тяготиться своим социальным положением, и даже не столько положением рабочего, сколько предопределенностью своей судьбы:

«На примере отца он видел, чего добился тот своим «благоразумием». Поистине грандиозных вершин – крохотной дачки в пригороде. Тупой, однообразной жизни, в которой даже такая ерунда, как фиалки, казались отцу невероятным счастьем. (...) Кляйн отчетливо сознавал, что дальше так продолжаться не может. Ведь почти все вокруг были какие-то калеки, ...которые шли после работы домой, проводили остаток дня в безделье или, напротив, убивали какими-нибудь поделками. Кляйн с ужасом думал, что рано или поздно и он будет вот так же выходить с толпой из фабричных ворот, ...плестись домой и знать, что впереди нет ничего, кроме вечных будней... сознавать, что ты пожизненно приговорен быть рабочим» [2, с.18 – 19].

Кляйну хотелось более интересной, разнообразной жизни. Герой постоянно пребывает в раздумьях: чем он отличается от остальных своих «коллег» в цехе, почему его коллеги не хотят перемен. Эти думы, сомнения, «самокопание» и составляют основное содержание романа, что вполне в духе экспрессионистской концепции героя. Кляйн много читает, старается приобрести широкий кругозор и наконец, отчасти по воле случая, отчасти – благодаря усиленному самообразованию Георга, прошедшего испытания, попадает в ранг служащих (нужна была срочная замена сотрудника в связи с гибелью последнего в аварии). Однако, вырвавшись из рабочей среды, Кляйн не стал «своим» у служащих:

«Кляйн постоянно ощущал себя человеком второго сорта, каковым он, собственно, и был в глазах этого мира, не мог позволить себе быть собой, чтобы в следующую секунду не испугаться, что ему вспомнят его прошлое... и тотчас исключат из своего круга. Нередко у него возникало такое чувство, будто он оказался на ничейной земле. Выбрался из одного мира, в который больше не может, да и не хочет, вернуться... а в другой мир так и не попал, но когда ему кажется, что он все-таки сумел туда проникнуть, то обнаруживается, что там ему холодно и неуютно» [2, с. 189 – 190].

Ю. Гинзбург как бескомпромиссный апологет социалистического строя связывает данное обстоятельство (неприкаянность героя) с несовершенством капиталистической системы отношений:

«Где же тут, собственно, конфликт? Сомнения нашего читателя вполне можно понять. Ибо ситуация, в которой находится герой романа Георг Кляйн, никак не проецируется на советскую действительность. Что изменится у советского рабочего, поменявшего спецовку на халат «и-тэ-эра»? В принципе только характер работы и размер зарплаты (причем она вовсе не обязательно станет выше) – сам же человек, его общественное положение, круг интересов и знакомств, образ жизни наверняка останутся прежними. В Австрии же, а шире – на Западе вообще, переход из рабочих в служащие, эта, в сущности, не более чем смена рода деятельности, неизбежно влечет за собой – и даже предполагает – полную ломку человека, настоящую жизненную коллизию. Почему? Да потому, что человек совершает переход не столько из одной профессиональной группы в другую, сколько из одного класса в другой, вот об этом-то, о классовой природе буржуазного общества, и ведет Вольфгрубер речь в своем романе» [2, с. 8 – 9].

Однако при внимательном прочтении романа можем убедиться, что Ю. Гинзбург пытается вогнать проблематику романа в заранее предусмотренные рамки-клише (социальная тема, критика буржуазного общества), тогда как проблема героя лишь в нем самом, в его бесконечных рефлексиях, комплексах, мнительности, тревожности, страхах и, в итоге, в его гештальтпсихологии. Мир не враждебен Кляйну (klein – маленький (нем.)), но мир отчужден. Кляйн возлагает на мир определенные ожидания – мир их не оправдывает. Не оправдывает не потому, что враждебен, а потому, что отчужден. Получив должность, Кляйн пришел домой, но не застал никого дома. Он облачился в белую рубашку с галстуком (по негласному закону рабочие не выходили на улицу в таком виде), вышел на улицу, но никто не обратил на это внимания. Кляйн хотел впечатлить новость о собственном повышении свою подругу, но та не выразила должного восторга: ее интересовало просто выйти замуж, и Кляйн как претендент на роль мужа ее вполне устраивал, даже когда был рабочим. Кляйн не обрел новых друзей в своей новой «профессиональной группе», но и в рабочей среде у него близких друзей не было.

Если бы автор ставил себе целью написать роман не столько психологический, а сколько «глубокого социального обобщения», критически направленный, то, согласно логике, показал бы

примеры искренней дружбы в сугубо рабочей или в сугубо буржуазной среде. Но мы в обоих «лагерях» видим людей разобщенных, погруженных в собственные проблемы, людей, способных не столько дружить в высшем смысле этого слова, сколько приятельствовать, обмениваться новостями, жаловаться на ссоры с женами, обсуждать последний футбольный матч, выпивать после рабочего дня. Однако герой, слишком «заточенный» на свой «гештальт» – красивую жизнь – во всем готов видеть исключительно враждебность. В этом ли не главный постулат исследуемого нами модернистского течения:

«В характере времени коренится ...особенность экспрессионизма – напряженная субъективность» [7];

Восприятие действительности «крайне субъективно, через призму таких эмоций, как разочарование, тревога и страх» [5].

Следует отдать должное справедливому замечанию Ю. Гинзбурга о «кинематографичности» книг Г. Вольфгубера. Герой со своими мыслями и чувствами, действительно, постоянно находится на первом плане. Данное обстоятельство также отсылают роман больше к экспрессионизму, нежели к произведению широкого социального охвата. Читатель видит окружающий мир глазами Георга Кляйна. Когда тот приезжает навестить замужнюю сестру, также не находит в этой встрече удовлетворения и взаимопонимания. Более того, пессимизм героя направлен даже на младенца – собственного племянника:

«Затем Кляйну пришлось смотреть на розового, упитанного ребенка в колыбельке, выслушивать, как хорошо тот растет, сколько он весил при рождении и сколько он весит сейчас, и Кляйн подумал, что они говорят словно о поросенке, которого хотят поскорей откормить и нарезать на мясо» [2, с. 131].

Мир чужд и, возможно, враждебен, но не с объективной точки зрения, а сквозь призму восприятия его героем. Именно герой ожидал «погожего весеннего или июньского денька, какой выдается на праздник тела Христова» [2, с. 51] в тот день, когда получил искомую должность, но была пасмурная погода, месиво грязи. Главное, на чем фокусируется его внимание, когда он уже в своем новом качестве входит в знакомый подъезд, направляясь к квартире подруги, это уборщица, «мывшая лестницу; она стояла к нему спиной, нагнувшись, из-под задравшегося халата белели

бескровные дряблые ляжки, в которые врезался верх чулок» [2, с. 65].

Думается, что окружающий мир состоял не только из этих безрадостных картин. Но взгляд героя был способен выхватывать только их, поскольку они слишком разительно отличались от его «гештальта»: он лежит на яхте, которая покачивается на волнах, рядом – смуглое влажное тело красивой, изысканной девушки в купальнике. Невозможность героя перестроить сознание, сделать его более адекватным для достижения поставленной цели и является главным конфликтом. И этот конфликт – психологический, а не социальный. Динамическая теория личности Левина исходила из того, что личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд (валентность). Его эксперименты доказывали, что для каждого человека эта валентность имеет свой знак, хотя в то же время существуют такие предметы, которые для всех имеют одинаково притягательную или отталкивающую силу. Воздействуя на человека, предметы вызывают в нем потребности, которые Левин рассматривал как своего рода энергетические заряды, вызывающие напряжение человека [6]. Так, оказавшись в командировке, он, не имея средств на дорогостоящий отель, поселяется в скромном рабочем квартале:

«Он бесцельно побродил по переулкам и вдруг вспомнил, что назвал однажды район, в котором полгода назад жила его сестра и который очень походил на этот, районом самоубийц. В моей комнате наверху, подумал он, тоже есть подходящий крюк в потолке» [2, с. 326];

«Он сидел на скамейке в пыльном сквере и наблюдал, как на небольшой жухлой лужайке какая-то старуха бранила ребенка, а рядом, на той же лужайке, корчась, гадили собаки. В голове у него не было ничего, кроме того, что он видел» [2, с. 155].

Мотивы нечистот, «фекальная» тема становится лейтмотивом в романе. Лужайка и бедные районы Вены в итоге оказываются ничуть не лучше и не чище заводского туалета в провинциальном городке, из которого вырвался Кляйн.

На наш взгляд, достаточно перечислить эти фрагменты, смонтировать их – и получим картину мира глазами типично экспрессионистского героя, иными словами – мрачную и зловонную картину его душевного состояния: рыхлые бескровные ноги уборщицы, крюк в потолке дома в районе самоубийц, гадающие собаки. Если соотне-

сти всё это с исходной мечтой Кляйна – о яхте и соблазнительной пассивности рядом, откроется та самая бездна, заключенная в черной дыре рта на знаменитой картине Мунка, ставшей символом экспрессионистской эстетики.

Парадоксален тот факт, что Ю. Гинзбург, будучи переводчиком романа, превратно толкует его отдельные повороты сюжета. Так, критик приписывает главному герою подлость как закономерный этап деградации человека, оторвавшегося от своей пролетарской среды:

«...цель, которую он (Кляйн – Э.Р.) перед собой поставил, ...неизбежно толкает его на путь подлости, конформизма и предательства» [3, с. 12].

Кляйн рвет отношения с подружкой, по Ю. Гинзбургу, ввиду ее «непрестижности». Однако в тексте мы видим, что герой страдает вовсе не от принадлежности Хайди к рабочей среде, а от узости мышления девушки, приземленности интересов, пристрастия к сплетням. Критик и переводчик приписывает герою корыстные мотивы по отношению к дочери владелицы ресторана Ирене, однако немалую долю романа составляет страх Кляйна ее потерять, ревность, мнительность и подозрительность. Всё это вкупе и послужило причиной разрыва – неуверенность Кляйна в себе и, как следствие, психологические атаки в отношении возлюбленной. Ю. Гинзбург же этот момент истолковывает иначе: «Вряд ли мы осудим

Ирену, не пожелавшую жить с таким ничтожеством как Кляйн» [3, с. 14].

Заключение. Советский критик и переводчик считает, что финал остается открытым. Однако есть основания полагать, что это не так. Кляйн, вернувшийся было к родителям из большого города, где жил с Иреной, вновь ужаснулся их быту, позвонил на работу, извинился за прогул и отправился назад в мегаполис, пока улицы не стали заполняться людьми. Если считать роман почти полностью «автобиографичным» (так полагает Ю. Гинзбург), значит и Г. Вольфгрубер, писатель из рабочей среды, не сделал когда-то свой выбор окончательным, будучи прототипом собственного героя. Но мы видим, что писатель был очень продуктивным именно на своем творческом поприще, а значит, вряд ли пожалел о смене станка на письменный стол. И даже если упомянутый нами критик прав, утверждая, что Г. Вольфгрубер своим произведением иллюстрирует тезис Ж.-П. Сартра о том, что «перейти из одного класса в другой невозможно» [цит. по: 3, с. 14] и весь роман посвящен исследованию «судьбы перебежчика», это никак не противоречит экспрессионистской концепции человека и мира: смятенная индивидуальность в отчужденном мире (по Ю. Борову). Как видим, даже социальная тема «рабочего» романа бывает вполне созвучна модернистскому мировидению.

1. Боров Ю. Теория литературы. Литературный процесс. Т. IV. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 624 с.
2. Вольфгрубер Г. Ничейная земля: роман /пер. с нем., предисл. Ю. Гинзбурга. М., Радуга, 1987. 350 с.
3. Гинзбург Ю. Судьба перебежчика: предисл. к роману // Вольфгрубер Г. Ничейная земля: роман / пер. с нем., предисл. Ю. Гинзбурга. М., Радуга, 1987. С. 5 – 14.
4. Михальская Н.П., Аникин Г.В. История английской литературы. Литература рабочей темы: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/mihalskaya-anikin-angliya/literatura-rabochej-temy.htm>
5. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / сост. В.Н. Терехина. М., ИМЛИ РАН, 2005: <http://ec-dejavu.ru/e/Expressionism.html>
6. Теория личности Курта Левина (Левин К. Динамическая психология: избранные труды / под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой]. М., Смысл, 2001): <https://freedocs.xyz/docx-97227651>
7. Андреев Л.Г. Зарубежная литература XX века. Экспрессионизм: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/hh-vek-andreev/ekspressionizm.htm>

EXPRESSIONIST MOTIFS IN THE NOVEL GERNOT WOLFGRUBER A "NO MAN'S LAND"

© 2019 E.A. Radaeva

Ella A. Radaeva, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature. E-mail: radella@rambler.ru

Samara State Social and Pedagogical University. Samara, Russia

The article contains a study of expressionist motifs in the popular in the 70 – 80-ies in the USSR "working novel" by Austrian writer of the second half of the twentieth century, Wolfgruber's "no Man's land". In addition, the author enters into a controversy with Soviet criticism of certain provisions of the problems of the work at the level of plot

and composition. The research work combines elements of motivic and figurative analysis. The image of the main character is considered through the prism of Gestalt psychology, which served as the basis of the aesthetics of expressionism.

Key words: expressionism, Gernot Wolfgruber, novel "No Man's land", working novel, Gestalt psychology

1. Borev Yu. Teoriya literatury. Literaturnyy` process (Theory of literature. Literary process). T. IV. M., IMLI RAN, «Nasledie», 2001. 624 s.
2. Vol`fgruber G. Nichejnaya zemlya (No man's land): roman /per. s nem., predisl. Yu. Ginsburga. M., Raduga, 1987. 350 s.
3. Ginzburg Yu. Sud`ba perebezhchika: predisl. k romanu (The fate of the defector: Preface to the novel) // Vol`fgruber G. Nichejnaya zemlya: roman / per. s nem., predisl. Yu. Ginsburga. M., Raduga, 1987. S. 5 – 14.
4. Mixal`skaya N.P., Anikin G.V. Istoriya anglijskoj literatury. Literatura rabochej temy` (History of English literature. Literature of the working topic): <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/mihalskaya-anikin-angliya/literatura-rabochej-temy.htm>
5. Russkij e`kspressionizm: Teoriya. Praktika. Kritika (Russian expressionism: Theory. Practice. Criticism) / sost. V.N. Terexina. M., IMLI RAN, 2005: <http://ec-dejavu.ru/e/Expressionism.html>
6. Teoriya lichnosti Kurta Levina (Kurt Levin's theory of personality) (Levin K. Dinamicheskaya psixologiya: izbranny`e trudy` / pod obshh. red. D.A. Leont`eva i E.Yu. Patyaevoj; [sost., per. s nem. i angl. yaz. i nauch. red. D.A. Leont`eva, E.Yu. Patyaevoj]. M., Smy`sl, 2001): <https://freedocs.xyz/docx-97227651>
7. Andreev L.G. Zarubezhnaya literatura XX veka. E`kspressionizm (Foreign literature of the twentieth century. Expressionism): <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/hh-vek-andreev/ekspressionizm.htm>